

АННА КОЗЛОВА

*Все, что вы хотели,
но боялись поджечь*

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К59

Козлова А.

К59 Все, что вы хотели, но боялись поджечь : [роман] / Анна Козлова. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 191 с. — (Серия «Пальмира — коллекция»).

ISBN 978-5-517-07438-6

Автор романа задается вопросом, может ли быть по-настоящему счастливой молодая, красивая, умная, эмансипированная женщина, свобода которой — и внутренняя, и внешняя — настолько безгранична, что героиня просто не знает, что с ней делать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07438-6

© Козлова А. Ю., 2022

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ПОНЕДЕЛЬНИК

Ровно в 8 утра звонит будильник в мобильном телефоне. Я беру трубку, ставлю на повтор и снова закрываю глаза. Так я сделаю еще три раза. В 8.15 я встаю, подхожу к окну и открываю его. Заправляю кровать. Надеваю халат, иду на кухню, ставлю чайник. Пью минеральную воду прямо из бутылки. Потом иду в ванную и умываю лицо холодной водой. Мою руки с мылом — они должны быть чистыми, потому что мне предстоит вставить линзы в глаза. Я вытираю руки полотенцем, возвращаюсь в спальню, подхожу к буфету. На верхней полке, за стеклом, стоит контейнер с линзами. Я развинчиваю сначала кружок с надписью «Left», потом кружок с надписью «Right», вооружившись пластмассовым пинцетом, достаю линзы и виртуозно наклеиваю их на глазные яблоки. За десять лет у меня появился неплохой опыт. На кухне начинает сначала негромко, но с нарастающей враждебностью свистеть чайник. Я иду на кухню, выключаю чайник, насыпаю гранулированный кофе в чашку с букетом цветов, которую мне когда-то подарил Гриша Смирнов, наливаю кипяток. Подхожу к холодильнику, достаю сливки, наливаю в чашку.

Сажусь за стол и несколько минут глотаю обжигающий кофе. Мне не хочется есть, но я приучила себя есть по утрам под влиянием рекламного плаката, увиденного много лет назад. Рядом стоят две женщины — худая и толстая. Худая довольно улыбается и говорит: «Я плотно завтракаю!» — толстая очень несчастна по виду и стыдливо шепчет: «Я плотно ужинаю...» Я делаю себе два бутерброда на хлебе «Фитнесс»: с лососем и с брынзой. Съедаю их, и меня начинает тошнить. Не обращая на это ровным счетом никакого внимания, я беру чашку с недопитым кофе и иду в проветренную спальню, чтобы накраситься. Я подхожу к зеркалу на подставке, которое стоит на подоконнике — я крашусь только на свету под влиянием статьи, когда-то прочитанной в журнале «Cosmopolitan». Там таким как я раз и навсегда объяснили, что только дневной свет позволяет вовремя заметить все огрехи макияжа.

Я беру в руки спонж, открываю баночку с тональным муссом «LANCÔME», зачерпываю немного мусса и размазываю его по лицу. Пока особых огрехов не видно. Моя кожа уверенно приобретает здоровый, жизнерадостный оттенок. Старой тушью «CHANEL» я подкрашиваю брови — я брюнетка, и брови должны соответствовать оттенку волос, так учит «Cosmopolitan». Коричневым карандашом «Clinique» я рисую стрелки, которые эффектно оттеняю светоотражающими тенями, изобретенными к нашему счастью неутомимыми технологами компании «Christian Dior». Даже не знаю, что бы мы делали без этих светоотражающих теней. Теперь мне осталось только допить кофе и мазнуть по скулам румянами «Givenchy», обещающими «естественный вид и эффект натурального загара».

Закончив покраску, я иду на кухню, чтобы помыть чашку и поставить ее в сушку. Самое время задуматься о том, что надеть. Постояв у шкафа, я делаю выбор в пользу джинсов «Guess» с кожаным ремнем той же марки и черной кофточки непопулярного происхождения, которая тем не менее выгодно подчеркивает грудь. Осталось только причесаться, заколоть волосы, тронуть губы блеском, бросить в сумку мобильный телефон и уйти из дома к чертям собачьим.

Что я и делаю. Выхожу на лестничную площадку, закрываю дверь на нижний замок, на два оборота. Нервным гребком в недра сумки убеждаюсь, что ключи от машины из внутреннего кармашка никуда не исчезли. Вызываю лифт. Лифт прибыл. Я захожу в него, нажимаю на кнопочку с цифрой 1 и под мерное гудение опускающейся кабины в стотысячный раз смотрю на плакат, который наклеен на стенку, рядом с зеркалом. Это постер журнала «Домашний очаг». На обложке изображены близкие к эйфории от собственного жизненного успеха Игорь Петренко и Екатерина Климова. Они улыбаются и обнимают своего ребенка прямо над подписью: «Игорь Петренко и Екатерина Климова, а также другие звездные пары о секретах своего счастья». В некоторых местах лица Екатерины Климовой и Игоря Петренко, а также их ребенка исцарапаны ключами от квартир жителей нашего подъезда.

Лифт приехал и распахнул свои двери. Я выхожу на улицу. Сейчас середина мая. Вчера мне посчастливилось поставить машину прямо у подъезда, так что переться через весь двор не придется. Я достаю из сумки ключи, нажимаю на брелок сигнализации,

думаю, что машину пора помыть, но я сделаю это завтра. Машина приветливо подмигивает, я сажусь в нее. Рука механически вставляет ключ в зажигание, механически поворачивает ключ по часовой стрелке. Машина урчит, тут же начинает болтать радио. Правая нога механически выжимает педаль тормоза, правая рука переводит передачу с «Р» на «D». Машина трогается с места. Я смотрю на собственное отражение в зеркале заднего вида.

Здравствуйте, меня зовут Саша, мне 27 лет, и я еду на работу.

Солнце светит по-утреннему ярко и раздражающе. Я достаю из бардачка темные очки. Выезжаю на Кутузовский проспект — у меня есть метров пятьсот, чтобы определиться, каким путем я сегодня поеду в офис: по Садовому или по Третьему. Пятьсот метров до туннеля. Либо я перестраиваюсь вправо и еду на Садовое, либо перестраиваюсь влево, разворачиваюсь у бывшего «Арбат-престижа» и еду на Третье. Я выбираю разворот, последнее время я часто его выбираю, мне почему-то неприятно Садовое кольцо с его отработанной до шлака ностальгией по «старой Москве». Пошла она в жопу, старая Москва. Меня больше устраивает промзона, стеклянные, как вздернутые в хамском жесте пальцы, многоэтажные дома, и бесконечный круг дороги. От этого пейзажа веет полнейшей безнадежностью, но ничего другого от жизни я и не жду.

Я включаю правый поворотник и съезжаю с Кутузовского проспекта. Выключаю поворотник, сворачиваю под надписью «Дмитровское шоссе — 1.4,

Ленинградский пр-т — 2.6, Мира пр-т — 7.2» и вы-
руливаю на дорогу, с которой уже не сверну. В сумке
забился телефон. Его не заглушают даже вопли ве-
дущих утреннего радиошоу. Посматривая на шоссе,
левой рукой придерживая руль, правой я лезу в сум-
ку за телефоном. Не глядя на номер, отвечаю:

— Але.

— Але. Привет. — Это мама.

— Привет, — говорю я.

— На работу едешь? — интересуется она.

— Да, — говорю. Что тут скажешь?

— Как дела? — интересуется мама. — Почему не
звонишь?

— Мы же вчера утром разговаривали, — отве-
чаю я.

— Ну, мало ли что могло случиться с тех пор.

— Ну да... — говорю я.

— Я тебя не отвлекаю? — волнуется мама. — Ты
можешь говорить?

— Нет, — облегченно вздыхаю я, — я перезвоню,
ок? — И, не выслушав ответа, сбрасываю звонок.

Моя мама была из тех девочек с повышенным
чувством ответственности, которые мечтают о мире
по всей земле, искренне восхищаются фотография-
ми из космоса и влюбляются в подонков. В плане
последнего пункта судьба ее пощадила — отец не
был подонком в полном смысле этого слова, но от-
ветственность в нем начисто отсутствовала. Пона-
чалу мама, часами ожидавшая его, вжавшись спи-
ной в монументальную колонну на станции кра-
сивейшего в мире Московского метрополитена,

думала, что он просто немного ребячлив и к тому же эгоист, как все мужчины. На этой стадии отношений с папой она почему-то была уверена, что ее любовь к нему сможет сделать его другим человеком. Комфортным для нее. Что касается папы, то он, вне всяких сомнений, маму любил, но эта эмоция явно не заслоняла ему горизонт. Он вообще не понимал, почему их с мамой половые чувства должны каким-либо образом изменить его жизнь навсегда.

История складывалась вполне обыкновенная: папа считал, что мама даст ему в браке все то, что так достало его за годы бесхозности, а мама верила в великую силу компромисса. Проблема заключается в том, что люди сходятся, как две стороны застешки «молния», и никак иначе. Либо каждый зубчик левой стороны сцепляется с зубчиком правой и все идеально совпадает, либо зубчики не сходятся, язычок «молнии» застревает в нитках, тканях и все в конечном счете уродливо рвется. Брак моих родителей, к сожалению, пошел по второму пути. Они любили, но не могли друг друга принять и поэтому довольно скоро начали методично, с каким-то губительным сладострастием друг друга уничтожать. Все детство, в тот период, когда слова еще не слишком осознаются, но упрямо пишутся на подкорку, я слышала, как мама говорила: «Андрей, я люблю тебя!» А дальше всегда следовало «но...».

Это «но» было бесконечным и неисчерпаемым, как все ее обиды на отца, как расстояние, на которое они каждый день друг от друга отдалялись. С каждым днем «но» росло и жирело, разбухало под тяжестью взаимных претензий, и уже тогда можно было предположить, что однажды оно станет таким